

Руководитель клуба «По следам русской эмиграции». Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ ЮЖИНА (ФРАНЦИЯ)

Официальные документы сообщают о десятках тысяч русских людей, покинувших Россию в двадцатые годы прошлого столетия. Сегодня помимо анализа и исследования причин этого исхода обсуждаются возможности восстановления связей с потомками русских эмигрантов и воссоединения расколовшихся во время гражданской войны семей.

Поздняя осень 1920 года ознаменовала собой событие, беспрецедентное для новой истории России, навсегда и бесповоротно изменившее её судьбу – холодным ноябрьским днём русская земля осиротела, проводив в неизвестность тысячи лучших своих сыновей: угасала первая волна русской эмиграции.

Эвакуация из Крыма была проведена образцово: в три дня – с 29 по 31 октября (с 11 по 13 ноября по григорианскому календарю) – в четырёх главных портах Крыма: Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи. Мощь русской армии была частью спасена. Такая исключительная организация явилась заслугой командующего сохранившей верность императорской черноморской эскадрой вице-адмирала Кедрова, а также добросовестно исполнявших свой долг всех солдат, матросов и офицеров, при помощи и защите Французского флота под командованием адмирала Дюмениля. Были задействованы все имевшиеся в наличии суда: корабли императорского флота, теплоходы, яхты, торговые суда, баржи и даже плавучий маяк.

В результате эвакуации более 140 тысяч человек, около 40 тысяч из которых были донские казаки, на 126 кораблях покинули берега полуострова, многие тогда не понимали, что прощались с родиной навсегда. После многодневного плавания в жутких условиях беженцы увидели Константинополь. А потом последовали остров Лемнос, лагеря в Галиполи, Хадэм-Киой, Санжак-Тэпэ, Чилингире, Кабадже...

После Первой мировой войны остров Лемнос находился под патронажем французских и английских войск. Первые русские беженцы прибыли сюда ещё в начале 1920 года. Это были гражданские лица, а также раненые офицеры и солдаты. За первые же месяцы от невыносимых условий жизни на острове умерли 130 человек. В январе – марте 1921 года на Лемносе оказались донские казачьи части и Атаманское военное училище. Все казачьи части на острове объединили в Лемносскую группу войск Русской армии под командованием командира Донского корпуса генерала Абрамова.

Лагерь на Лемносе были окружены двойным оцеплением французов, запрещавшим казакам покидать расположение без специального разрешения с целью их максимальной изоляции. Жить приходилось в палатках, которых не хватало, ввиду чего в каждой жило по 14 человек. Вокруг палаток казаки вырыли небольшие ровики для стока воды, выходявшие в крупные каналы, протянувшиеся паутиной через весь лагерь. Однако из-за ливневых дождей той зимой многие палатки всё же промокали. Спать приходилось на сырой земле или тонкой подстилке из травы. Продуктов не хватало: паёк включал 200 граммов консервов, 400 граммов хлеба, 4 грамма чая и 30 граммов сахара, и тот выдавался не всегда полностью, а консервы, выделяемые французами, зачастую были испорченными. Дело усугублялось постоянными перебоями с питьевой водой, дров на «лысом» острове было не достать, жечь костры для кипячения воды удавалось лишь время от времени. Понятно, что казаков преследовали тяжёлые болезни.

Французы, пытаясь снизить остроту проблем, создаваемых для них пребыванием такого большого числа казаков, объявили запись в Иностраннный легион. Русское командование, озабоченное такими действиями французов, по сути, ведших дело к расформированию казачьих войск, приняло решение, что в легион могут записываться лишь те, чьё нахождение в частях по их нравственным качествам признавалось командирами нежелательным. И всё же условия пребывания в лагерях могли вынести не все. От безысходности и смертельных болезней в казачьих лагерях часть солдат согласилась перейти на службу в Иностраннный легион.

Для усиления дисциплины с марта 1921 года во всех частях возобновились строевые занятия. Казаки, уставшие от вынужденного безделья, в целом охотно занимались строевой подготовкой. В марте 1921 года на Лемносе состоялся выпуск юнкеров Атаманского военного училища. Большим подспорьем для казаков на Лемносе была помощь по линии Красного Креста, взявшего под свою опеку два лазарета на 800 человек и детское общежитие на 100 коек. И всё же с каждым днём жизнь казаков на чужбине становилась всё тяжелее. Казакам предлагалось либо возвратиться в Советскую Россию, либо выехать в Бразилию на сельскохозяйственные работы, либо самим обеспечить своё содержание. Пребывание казаков на Лемносе продолжалось более года. Только в ноябре 1921 года часть казаков была перевезена в Болгарию и Сербию, остальные разъехались по разным странам мира, понимая, что возвращение на родину означает неминуемую гибель. Сотни наших соотечественников остались на Лемносе навсегда, упокоившись в его каменистой земле.

Из разъехавшихся по разным частям света донских казаков (и не только) некоторые попали во Францию, осев позже в савойском городе Южине. В период с 1923 по 1931 год сюда приехало рекордное число переселенцев: около 2400 русских эмигрантов обрели в Южине свой новый дом. В ходе первого переселения (1923–1929) в Южин прибыли по большей части солдаты и офицеры, воевавшие в рядах Белой и Добровольческой армий. Вторая волна привела в савойский городок беженцев из Москвы, Пскова и Петрограда, добравшихся во Францию через территорию Прибалтики. Большинство прибывших стали рабочими сталелитейного завода.

Прибытие русских переселенцев в Южин

	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	Общее по месяцам
январь	1		2	16		7	15	6		47
февраль		4	2	15		9	7	7		44
март		2	16	8	5	18	1	6	18	74
апрель	2		18	6	4	16	115	4	26	191
май	1	6	19	17	6	9	129	98	13	298
июнь		33	11	33	19	3	8	21	31	159
июль	2	5	8	20	11	8	100	7	8	169
август		4	5	54	11	6	17	4	6	107
сентябрь	12	29	13	60	12	4	3	3		136
октябрь	2	17	7	38	11	56	3	4		138
ноябрь	1	19	11	2	2	16	2	3		56
декабрь	1	20	26		4	24	3	1		79
Общее по годам	22	139	138	269	85	176	403	164	102	1498

Количество прибывших в Южин эмигрантов в период с 1923 по 1931 год (без учета женщин, детей и мужчин, не поступивших на работу на сталелитейный завод):

 – 1118 русских эмигрантов с юга России, приехавших в Южин через Болгарию.

 – 380 русских эмигрантов, прибывших в Южин через Прибалтику.

На заводе русские эмигранты трудились наравне с остальными рабочими. Оплата труда составляла 2,2 франка за час, проживание в общей комнате стоило 2,5 франка в месяц; если человек мог позволить себе отдельную меблированную комнату, то платил он за нее 20 франков в месяц. Согласно установленным правилам, если рабочий жил в черте города, то его расходы на проживание и еду не должны были превышать 8,5 франка в день. Оплачивать проезд от дома до завода рабочие должны были сами. Заработная плата русских рабочих не отличалась от заработной платы французов.

К началу Второй мировой войны в Южине проживало более 600 русских эмигрантов. Взрослые худо ли бедно говорили по-французски, в то время как их родившиеся во Франции дети французским и русским языками владели в совершенстве. Практически все мужчины – свыше 200 человек – трудились на сталелитейном заводе. Большинство эмигрантов так и не получили французское гражданство, продолжая довольствоваться нансеновским паспортом. Большая часть русских людей держалась в стороне от политики, однако в диаспоре бытовали различные и даже противоположные мнения относительно ситуации в Советской России. Тем не менее, несмотря на несогласие и разные взгляды, воззрения русских эмигрантов никогда не выходили за пределы их поселений и нигде не вызывали никаких волнений.

Подписание пакта о ненападении повергло в шок представителей всех русских кругов, автоматически превратив их в потенциальных агентов Германии. Некоторые русские эмигранты были арестованы, особенно из числа парижской интеллигенции, в самом Южине вплоть до 22 июня 1941 года арестов не было. Однако после 22 июня вишистский режим издал указ о немедленном аресте всех русских, повлекший за собой задержание русских эмигрантов во всех коммунах Савойи. Директор сталелитейного завода незамедлительно обратился к префекту с просьбой о защите русских, объяснив это той пользой, которую последние приносили заводу. Его просьба была услышана, впрочем, это не отменило обыски в домах русских и запрет на их передвижение вне департамента без специального разрешения. И даже несмотря на покровительство директора завода, многие русские эмигранты оказались впоследствии в концлагере Верне.

Первые годы войны были отмечены не только арестами и отправками в лагерь, но и решением примерно трети рабочих сталелитейного завода уехать в Германию. Некоторые присоединились к антибольшевистскому легиону, другие превратились в «добровольную» рабочую силу. В Южин вернулись далеко не все...

Подавляющее же большинство русских эмигрантов примкнуло к движению Соппротивления.

В июне 1946 года советское правительство обратилось с приглашением ко многим эмигрантам вернуться на родину, и более чем девяносто русских из Южина его приняли. Увы, судьба большинства из них никому не известна, и их связь с родными и друзьями, оставшимися в Южине, прервалась навсегда.

Война нанесла русской диаспоре Южина незаживающую рану. Отъезды в Германию, в СССР, в другие регионы Франции, кончины, смешанные браки заметно её расшатали. Если в 1937 году русских в Южине было более шестисот, то к 1980-м их осталось менее сотни.

Потомки русских эмигрантов первой волны превратились в обычных французов. Мало кто из них говорит по-русски, но (и это очень важно отметить) многие носят русские имена и в глубине души лелеют тоску по земле своих предков и истории тех, кто некогда оказался во Франции волею своей нелёгкой судьбы.

Не только потомки русских людей и, в частности, донских казаков, трепетно относятся к своей истории, но и потомки тех, кто остался в России и не пережил эмиграцию. Сегодня стало возможным глубоко исследовать исторические материалы, рассказывающие об этой непростой эпохе, и восстанавливать запоздалую историческую справедливость. Самое ценное в этой возможности то, что интерес к тем далёким событиям пробуждается и у молодого поколения.

Так, в рамках Русско-французского института, образованного на базе ЮРГПУ (НПИ) им. М. И. Платова (г. Новочеркасск) создан клуб «По следам русской эмиграции», который собрал вокруг животрепещущей темы преподавателей, студентов и потомков эмигрантов, разыскивающих своих родственников. Все они заинтересованы в поиске и воссоединении семей – потомков эмигрантов, живущих ныне в Новочеркасске и Южине. И не только... Группа очень надеется на то, что поиски увенчаются успехом и на волне непростых событий современной действительности разорванные и утраченные когда-то семейные связи смогут возродиться, сделавшись мостиком двух культур вопреки политическим и прочим разногласиям.